

А.А. Кара-Мурза

ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ И РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

В статье исследуется вопрос о соотношении феноменов «русская философия» и «философия в России». Автор полагает, что эти явления не тождественны друг другу, и русская философия, будучи важным фрагментом интеллектуальной субкультуры, часто творилась и вне пределов России. Особенно рельефным это явление стало в двадцатом столетии, когда высланные за границу отечественные диссиденты, работая на Западе, продолжали оставаться крупнейшими русскими философами. С другой стороны, в пределах самой России (Московского царства, Российской империи, короткой «демократической республики», СССР, России постсоветской) философствовали и продолжают философствовать не только русские по языку и культуре. Автор отмечает, что в отечественном философствовании исключительную роль играла русская литература и философская публицистика. Именно они чаще всего и делали философию, как знание, объективно тяготеющее к универсальности, – *национально окрашенной русской философией*.

Ключевые слова: Россия, русская философия, русская литература, государство, идентичность, философская публицистика

Для цитирования: Кара-Мурза А.А. Философия в России и русская философская публицистика // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 17–23.

«Русская философия» и «философия в России» – понятия, конечно же, не тождественные¹. Прежде всего, русская философия творилась и вне пределов России. Карамзин, которого Борис Эйхенбаум назвал «нашим первым

¹ Темой самоопределения отечественной философской традиции сектор философии российской истории Института философии РАН занимается более тридцати лет. См., напр.: Философия «русской идеи»: Россия и Европа (участники «круглого стола»: А.А. Кара-Мурза, Н.В. Любомирова, В.С. Малахов, В.П. Перевалов, Л.В. Поляков) // *Общественные науки и современность*. 1991. № 5. С. 143–154; Малахов В.С. Возможна ли философия по-русски? // *Логос*. 1996. № 8. С. 117–131; Межуев В.М. «Русская идея» и универсальная цивилизация // *Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов*. М., 2011. С. 427–451.

философом»², писал свою философскую «тревэлогию» «Письма русского путешественника» в Европе (в Германии, Швейцарии, Франции и Англии), где был вынужден скрываться от преследований изощенного екатерининского провокатора, князя Гагарина, метко прозванного современниками «Тартюфом»³. Да и в двадцатом столетии высланные большевиками за границу отечественные интеллектуалы (мы недавно отметили столетие печальной памяти «философских пароходов») продолжали, вне всяких сомнений, оставаться *русскими философами* – и в Берлине, и в Париже, и в Праге, и в Белграде. Их, кстати, везде так и воспринимали.

С другой стороны, в пределах самой России (Московского царства, Российской империи, короткой «демократической республики», СССР, России постсоветской) философствовали и продолжают философствовать не только русские по языку и культуре. Хотя, надо добавить, очень часто это бывают интеллектуалы, нерусские по культуре, но являющиеся *россиянами* по своему государственно-политическому гражданству. Я, востоковед по образованию, не устаю приводить своим студентам такой пример. Если сегодняшний россиянин-мусульманин в Казани или Уфе, окончивший медресе, а потом, например, египетский или саудовский университет (явление не такое уж редкое), активно пишет философские тексты на арабском языке, то его корректно называть «российским мусульманским философом» но, конечно же, не русским философом, – он бы и сам не согласился с такой атрибуцией.

Самый знаменитый пример несовпадения «философии в России» и «русской философии» – великий немец Иммануил Кант, который, волею военно-политических коллизий, в 1758–1762 гг. оказался подданным российских самодержцев Елизаветы Петровны (которая захватом Восточной Пруссии сделала Канта россиянином – формально-юридически, разумеется), а потом и Петра III, который, будучи сам больше немцем, чем русским, вернул Кенигсберг, а заодно и немецкого философа Канта, в прусскую юрисдикцию. Чему, как мы знаем, Кант был крайне рад, хотя и успешно зарабатывал в годы оккупации частными уроками для русских офицеров.

Вопрос идентификации: *русский философ* или *философ в России?* – крайне непростой. Наш крупный историк европейской мысли В.В. Васильев столкнулся с этой дилеммой, занявшись историей публикации неким «*Andrei Koliwanov*» (имя очевидно русское) трактата на немецком языке «Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру»⁴. Установить подлинное имя автора было принципиально важным: ведь трактат мог

² Эйхенбаум Б.М. Карамзин // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л., 1969. С. 205. Эйхенбаум точно заметил, что *философичность* исторических текстов Карамзина определялась тем, что «здесь – не просто обоснование исторических занятий, но определение состава исторической эмоции, оправдание самой обращенности к прошлому, и притом оправдание *эстетическое* (курсив мой. – А.К.)» (Там же. С. 203–204). См. также: Кара-Мурза А.А. Тяжба о Карамзине. Юбилейные заметки // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 106–110.

³ Кара-Мурза А.А. Швейцарские странствия Николая Карамзина (1789–1790). М., 2016; Kara-Murza A. Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler // Russian Studies in Philosophy. 2017. Vol. 55. No. 6. P. 410–421.

⁴ Koliwanov A. Beobachtungen über den Geist des Menschen und dessen Berhältniß zur Welt. Altona, 1790.

претендовать именоваться первым профессиональным философским сочинением, написанным россиянином⁵.

Как известно, первоначально проф. Васильев высказал сенсационную и, замечу, очень греющую русскую душу догадку, что за псевдонимом «*Koliwanov*» скрывается не кто иной, как русский князь-рюрикович Андрей Иванович Вяземский (отец литератора П.А. Вяземского) – человек, энциклопедически образованный и объездивший в 1782–1786 гг. главные философские центры Европы⁶. К такому предположению активно подвигал тот факт, что именно псевдоним «*Колыванова*» Вяземский-старший выбрал для своей внебрачной дочери Екатерины, которую потом выдал замуж за своего младшего друга Карамзина.

Но, увы, в результате последующих разысканий, Васильев вынужден был признать, что под псевдонимом «Андрей Колыванов» писал действительно *россиянин* (т.е. поданный Российской империи), но *этнический немец*, выходец из Ревеля (Колывань – это русское название города) по имени Христлиб Фельдштраух, окончивший знаменитый философский факультет в немецком Галле – отсюда и отмеченное профессионалами-современниками высокое качество текста⁷. Трактат немца Фельдштрауха, подданного русской императрицы Екатерины, – это, конечно, феномен *философии в России*, но никак не русской философии.

Неоднократно замечено, что в становлении отечественного философствования исключительную роль сыграли русская литература и философская публицистика. Именно они чаще всего и делали в России философию как знание и практики, тяготеющие к универсальности и классическим образцам, идущим от античности, – *национально окрашенной русской философией*.

Само слово «публицистика» происходит от латинского *publicus* (общественный). Интересное определение этого феномена находим у Владимира Сергеевича Соловьева. В некрологе на кончину своего философского учителя – профессора Памфила Даниловича Юркевича, Соловьев написал: «Если высотой и свободой мысли, внутренним тоном воззрений, а не числом и объемом написанных книг определяется значение настоящих мыслителей, то бесспорно почетное место между ними должно принадлежать Юркевичу. Оставленные им философские труды немногочисленны и не обширны. Как и большая часть русских даровитых людей, он не считал нужным и возможным давать полное внешнее выражение всему своему умственному содержанию, выворачивать его наружу напоказ, он не хотел перевести себя в книгу, превратить все свое духовное существо в публичную собственность»⁸.

⁵ *Васильев В.В.* Загадка Андрея Колыванова (предисловие переводчика) // Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру. Философский опыт Андрея Передумина Колыванова (1790). Калининград, 2003. С. 2–3.

⁶ Мои собственные исследования привели к заключению, что четырехлетнее европейское путешествие А.И. Вяземского (как ранее считалось – «с образовательными целями»), на самом деле было *вынужденным*: князь опасался возвращаться в Россию, где Екатерина II радикально меняла политические приоритеты (см.: Князь Петр Андреевич Вяземский и исторические судьбы России (к 225-летию со дня рождения). Материалы международной научной конференции // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 8–11).

⁷ *Васильев В.В.* Христлиб Фельдштраух: альтернативное начало русской философии // Философские науки. 2014. № 5. С. 72–86.

⁸ *Соловьев В.С.* О философских трудах П.Д. Юркевича (1874) // *Соловьев В.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. 2-е изд. СПб., 1911. С. 171.

Итак, *publicus*, в самом широком смысле, согласно Соловьеву, – это «внешнее выражение умственного содержания» или «перевод духовного существа в публичную собственность». Если далее следовать соловьевской логике, «публикус», т.е. духовное содержание, представленное публично, многообразно и многослойно: для Памфила Юркевича, например, главным были университетские лекции. Поэтому вполне можно сказать, что и философия – это тоже важнейший сегмент и особая форма «перевода своего духовного существа в публичную собственность», иными словами – особая форма публичного самовыражения, его высшая, самая строгая, рационально откристаллизованная часть.

Поэтому очень часто в истории отечественной мысли оказывалось так: философская публицистика была не позднейшей трансляцией, «разжижением» для внимающей публики уже готовой философии, а, наоборот, публицистика очень часто становилась *восхождением к философии* – за счет все более точного определения рождающихся в «публикусе» философских смыслов. Для истории русской мысли, например, XIX в. этот второй путь: от публицистики – к философии (а не наоборот) был не только обычным, но и во многом определяющим. Возьмем только самые громкие философские имена.

Мэтр русского славянофильства Алексей Степанович Хомяков в 17 лет сдал экзамен на степень кандидата математических наук при Московском университете. Затем, как известно, служил офицером конной гвардии. Всю жизнь был человеком с прекрасным техническим мышлением: изобрел свой вариант паровой машины (получил патент в Лондоне!), во время поражений Крымской войны испытывал у себя в Богучарове модель «дальнобойного артиллерийского ружья»... К формулировке философских смыслов пришел относительно поздно, а начинал с публицистики, оттачиваемой, добавлю, в салонных спорах – еще одной популярной в те времена форме «публикуса». И эта его публицистика – начиная от ранних работ «Мнение иностранцев о России», «Письма об Англии» и т.д. – не сразу, а очень постепенно, но неуклонно отвердевала, кристаллизовалась в концепции, которые мы сегодня вправе называть философскими.

Александр Иванович Герцен окончил физико-математическое отделение Московского университета, а выпускную работу писал по астрономии Коперника, за которую был удостоен серебряной медали. Заказ на первые философские статьи получил, можно сказать, случайно – от издателя «Отечественных записок» Андрея Краевского (кстати, в отличие от Герцена, как раз выпускника отделения философии), разглядевшего в молодом Герцене незаурядного мыслителя-теоретика.

Константин Николаевич Леонтьев окончил медицинский факультет, был батальонным лекарем; в мирное время – домашним врачом, занимался литературой, где был замечен И.С. Тургеневым (в отличие от Леонтьева, учившегося на трех философских факультетах), был дипломатом. Философские тексты Леонтьева – тоже сравнительно поздние.

Отсюда вопрос: были ли Хомяков, Герцен, Леонтьев *профессиональными философами*? Разумеется, среди интеллектуальных корифеев русского XIX в. были и, как мы говорим, философы «по базовому образованию» – например, Михаил Никифорович Катков, который окончил философское отделение университета, потом преподавал там логику и историю философии. Но парадоксально, как раз у Каткова собственно философских текстов

практически нет, и мы можем с полным правом сказать, что для него, публициста *par excellence*, политическая журналистика вовсе не была формой трансляции какой-то особой философии (за отсутствием таковой). Напротив, философская эрудиция Каткова (как и Ивана Тургенева) стала лишь важным подспорьем в литературной и политической борьбе.

Кстати, в 1885–1886 гг. в Москве имела место острейшая публицистическая дуэль между двумя профессиональными («сертифицированными») философами – Владимиром Соловьевым и Михаилом Катковым: речь тогда шла об актуальной и поныне теме – «государственном преподавании философии»⁹. Была ли та схватка двух философски образованных соперников борьбой *философской*, т.е. противостоянием разных философских систем? Думаю, нет. Это было столкновение двух политиков-публицистов – да, профессионально философски образованных. Соловьев тогда на страницах *Аксаковской «Руси»* обвинял Каткова в «языческом обожествлении власти» – звучит вполне актуально!

В нашей историко-философской литературе все еще бытует такой нехитрый ход. Мыслителей сначала «пришпиливают» (как бабочек или жуков) к определенному философскому направлению, а уж потом начинают припоминать, какими они были при жизни. Возможно, так легче преподавать философию. Но я думаю, акценты надо сместить: «переживания» (почти всегда культурно локализованные и потому национально окрашенные) всегда предшествуют «рассуждениям» (более универсальным), и окончательная философская самоидентификация автора – это сравнительно поздний момент рационализации тех или иных первичных, «сердечных» (в терминах Юркевича) импульсов, которые поначалу получают свое выражение в более оперативных формах публицистики¹⁰. Философская системность, точность и строгость есть, повторяю, лишь результат позднейшего *дисциплинирования* этих протофилософских смыслов. При этом «сердечные импульсы» всегда важнее и глубже любых языковых техник: Петр Яковлевич Чаадаев писал свои «Философические письма» на французском языке, что не мешает ему оставаться, возможно, *самым русским* из отечественных мыслителей.

«Сердечные», а не рассудочные истоки любого философствования объясняют и подчас серьезные (и неоднократные) смещения философских траекторий – не всегда объяснимые с традиционных позиций. Почему тот или иной мыслитель сначала был либералом – потом вдруг стал консерватором (как тот же Катков); или: был славянофилом – потом стал западником – потом вроде снова славянофилом (так сплошь и рядом трактуют Владимира Соловьева)... Повторяю, устойчивые философские концепции не столь подвижны – по крайней мере, сначала. Меняются приоритеты и векторы первичных «переживаний» (всегда культурно обусловленных) – и только потом эти публицистические поначалу импульсы закрепляются в откристаллизовавшихся философских формах.

⁹ Интересно, что «штабом» соловьевской стороны стал тогда голицынский особняк на Волхонке, наш будущий «Философский дом», где в те годы располагалась редакция газеты «Русь» И.С. Аксакова. Напомню, что Соловьев некоторое время был активным сотрудником изданий Каткова; одно время даже военным корреспондентом его «Московских ведомостей» на турецкой войне. Но потом их пути резко разошлись.

¹⁰ См.: Кара-Мурза А.А. Откуда рождаются философские статьи? (Философское краеведение как метод и жанр историко-философского исследования) // История философии в формате статьи. М., 2016. С. 110–120.

Список литературы

- Васильев В.В.* Загадка Андрея Колыванова (предисловие переводчика) // Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру. Философский опыт Андрея Передумина Колыванова (1790) / Пер. с нем. В.В. Васильева. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. С. 2–3.
- Васильев В.В.* Христлиб Фельдштраух: альтернативное начало русской философии // Философские науки. 2014. № 5. С. 72–86.
- Кара-Мурза А.А.* Швейцарские странствия Николая Карамзина (1789–1790). М.: Аквилон, 2016. 110 с.
- Кара-Мурза А.А.* Тяжба о Карамзине. Юбилейные заметки // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 106–110.
- Кара-Мурза А.А.* Откуда рождаются философские статьи? (Философское краеведение как метод и жанр историко-философского исследования) // История философии в формате статьи / Ред. Ю.В. Синеокая. М.: Культурная революция, 2016. С. 110–120.
- Князь Петр Андреевич Вяземский и исторические судьбы России (к 225-летию со дня рождения). Материалы международной научной конференции // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 5–32.
- Малахов В.С.* Возможна ли философия по-русски? // Логос. 1996. № 8. С. 117–131.
- Межуев В.М.* «Русская идея» и универсальная цивилизация // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2011. С. 427–451.
- Соловьев В.С.* О философских трудах П.Д. Юркевича (1874) // *Соловьев В.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1911. С. 171–196.
- Философия «русской идеи»: Россия и Европа (участники «круглого стола»: А.А. Кара-Мурза, Н.В. Любомирова, В.С. Малахов, В.П. Перевалов, Л.В. Поляков) // Общественные науки и современность. 1991. № 5. С. 143–154.
- Эйхенбаум Б.* Карамзин // *Эйхенбаум Б.М.* О прозе. Л.: Художественная литература, 1969. С. 203–213.
- Kara-Murza A.* Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler // *Russian Studies in Philosophy*. 2017. Vol. 55. No. 6. P. 410–421.
- Koliwanov A.* Beobachtungen über den Geist des Menschen und dessen Verhältnis zur Welt. Altona: Pinkvoß, 1790. 144 S.

Philosophy in Russia and Russian philosophical journalism

Alexey A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

The article examines the question of the correlation of the phenomena “Russian philosophy” and “philosophy in Russia”. The author believes that these phenomena are not identical to each other, and Russian philosophy, being an important fragment of intellectual subculture, was often created outside of Russia. This phenomenon became especially prominent in the twentieth century, when Russian dissidents who were exiled abroad, working in the West, continued to be the largest Russian philosophers. On the other hand, within Russia itself (the Moscow Kingdom, the Russian Empire, the short “democratic republic”, the USSR, post-Soviet Russia), not only Russians in language and culture philosophized and continue to philosophize. The author notes that Russian literature and philosophical journalism played an exceptional role in domestic philosophizing. It was they who most often made philosophy, as knowledge objectively tending to universality, a nationally colored Russian philosophy.

Keywords: Russia, Russian philosophy, Russian literature, state, identity, philosophical journalism

For citation: Kara-Murza, A.A. “Filosofiya v Rossii i russkaya filosofskaya publitsistika” [Philosophy in Russia and Russian philosophical journalism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 17–23. (In Russian)

References

- Eikhenbaum, B. “Karamzin”, in: B. Eikhenbaum, *O proze* [Russian Prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969, pp. 203–213. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “Otkuda rozhdaiutsya filosofskie stat’i? (Filosofskoe kraevedenie kak metod i zhanr istoriko-filosofskogo issledovaniya)” [Where do philosophical articles come from? (Philosophical local history as a method and genre of historical and philosophical research)], *Istoriya filosofii v formate stat’i* [History of philosophy in the form of an article], ed. by Yu.V. Sineokaya. Moscow: Kul’turnaya revolyutsiya Publ., 2016, pp. 110–120. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “Tyazhba o Karamzine. Yubileinye zametki” [The lawsuit about Karamzin. Anniversary notes], *Voprosy filosofii*, 2016, No. 12, pp. 106–110. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. *Shevitsarskie stranstviya Nikolaya Karamzina (1789–1790)* [The Swiss Wanderings of Nikolai Karamzin (1789–1790)]. Moscow: Akvilon Publ., 2016. 110 pp. (In Russian)
- Kara-Murza, A. “Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin’s Letters of a Russian Traveler”, *Russian Studies in Philosophy*, 2017, Vol. 55, No. 6, pp. 410–421.
- Kara-Murza, A.A., Lyubomirova, N.V., Malakhov, V.S., Perevalov, V.P. & Polyakov, L.V. “Filosofiya ‘russkoi idei’: Rossiya i Evropa” [The philosophy of the ‘Russian idea’: Russia and Europe], *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, 1991, No. 5, pp. 143–154. (In Russian)
- “Knyaz’ Petr Andreevich Vyazemskii i istoricheskie sud’by Rossii (k 225-letiyu so dnya rozhdeniya). Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii” [Prince Pyotr Andreevich Vyazemsky and the historical fate of Russia (to the 225th anniversary of his birth). Materials of the International scientific conference], *Voprosy filosofii*, 2018, No. 3, pp. 5–32. (In Russian)
- Koliwanov, A. *Beobachtungen über den Geist des Menschen und dessen Berhältniß zur Welt*. Altona: Pinkvoß, 1790. 144 S.
- Malakhov, V.S. “Vozmozhna li filosofiya po-russki?” [Is philosophy possible in Russian?], *Logos*, 1996, No. 8, pp. 117–131. (In Russian)
- Mezhuev, V.M. “‘Russkaya ideya’ i universal’naya tsivilizatsiya” [The ‘Russian Idea’ and universal civilization], *Kuda vedet krizis kul’tury? Opyt mezhdistsiplinnykh dialogov* [Where does the crisis of culture lead? Experience of interdisciplinary dialogues], ed. by I.M. Klyamkin. Moscow: Novoe izdatel’stvo Publ., 2011, pp. 427–451. (In Russian)
- Solov’ev, V.S. “O filosofskikh trudakh P.D. Yurkevicha (1874)” [On the philosophical works of P.D. Yurkevich (1874)], in: V.S. Solov’ev, *Sobranie sochinenii* [Collected works: in 10 vols.], Vol. I, 2nd ed. St. Petersburg: Prosveshchenie Publ., 1911, pp. 171–196. (In Russian)
- Vasil’ev, V.V. “Khristlib Fel’dshtraukh: al’ternativnoe nachalo russkoi filosofii” [Christlib Feldstrauch: an alternative beginning of Russian Philosophy], *Filosofskie nauki*, 2014, No. 5, pp. 72–86. (In Russian)
- Vasil’ev, V.V. “Zagadka Andreya Kolyvanova (predislovie perevodchika)” [The Riddle of Andrey Kolyvanov (translator’s preface)], *Nablyudeniya o chelovecheskom dukhe i ego ot-noshenii k miru. Filosofskii opyt Andreya Peredumina Kolyvanova (1790)* [Observations about the human spirit and its relation to the world. The Philosophical Experience of Andrey Peredumin Kolyvanov (1790)]. Kaliningrad: Kaliningrad St. Univ. Publ., 2003, pp. 2–3. (In Russian)